

ДМИТРИЙ СИЛКАН

СЕРГЕЙ

ЕСЕНИН

Навсегда
ОСТАЛСЯ Я ПОЭТОМ

Век великих

Интервью современных исследователей и литераторов

Век великих

Дмитрий Силкан

**Сергей Есенин. Навсегда
остался я поэтом**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1.09 Есенин С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Есенин С.

Силкан Д.

Сергей Есенин. Навсегда остался я поэтом / Д. Силкан —
«Издательство АСТ», 2019 — (Век великих)

ISBN 978-5-17-099470-0

В книге представлена широкая панорама мнений и оценок, связанных с жизнью и творчеством великого русского поэта Сергея Есенина. Среди участников этого обстоятельного разговора современные исследователи, ученые, литераторы. Все вместе они размышляют над причудливыми изломами есенинской биографии; над истоками его поэзии; над непростым временем, в котором суждено было существовать гению Есенина. Читатель станет свидетелем споров, которые продолжают вести есениноведы по сей день, и, возможно, сделает для себя вывод – кем был этот человек, сказавший о России так, как больше никому сказать не суждено. Поскольку книга основана на живых интервью, взятых у участников издания, большинство мнений можно прочитать только здесь.

УДК 821.161.1.09 Есенин С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Есенин С.

ISBN 978-5-17-099470-0

© Силкан Д., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава I. Прелюдия к большому разговору. Структура коллективного обсуждения	10
Глава II. Биографии – или сами произведения? Любовь к поэту – или к личности? Книги... или музеи?	16
Глава III. Детство, юношество... Константиново..., Спас-Клепики... А был ли крестьянский мальчик?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Силкан

Сергей Есенин. Навсегда остался я поэтом

В оформлении обложки использована фотография, предоставленная агентством Heritage Images/DIOMEDIA

© Д. Силкан, текст, составление, 2019

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ученые и литераторы, давшие интервью о жизни и творчестве Сергея Александровича Есенина специально для этого издания:

1. **Айвазян Михаил Арамисович** – поэт, кандидат философских наук, заведующий сектором Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

2. **Александрова-Зорина Елизавета Борисовна** – прозаик, публицист, блоггер, кинорежиссёр, колумнист газеты «МК», руководитель литературного раздела портала «ThankYou.ru». Лауреат журнала «Север», литературного конкурса «Северная Звезда». Входила в шорт-листы премий «Дебют», «НОС (Новая словесность)». Проза переведена и издана на английском, французском, арабском, хинди и украинском языках.

3. **Арабов Юрий Николаевич** – прозаик, поэт, киносценарист. С 1994 года возглавляет Кафедру кинодраматургии Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК). Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации, лауреат Государственной премии Правительства России. Лауреат Премии Каннского кинофестиваля, независимой премии «Триумф». Многократный лауреат кинопремии «Ника» (за 2002, 2006, 2011, 2013 и 2017 год), премии «Золотой орёл» (2012 и 2017 год).

4. **Безелянский Юрий Николаевич** – литературовед, историк, автор ряда книг и статей о Сергее Есенине. Кандидат исторических наук.

5. **Бондаренко Владимир Григорьевич** – литературный критик, публицист. Главный редактор газеты «День Литературы», заместитель главного редактора газеты «Завтра». Лауреат «Большой литературной премии России», Горьковской литературной премии.

6. **Брюханов Владимир Андреевич** – прозаик, историк, литературовед, автор книги «Другой Есенин». Кандидат технических наук, доцент. С 1992 года проживает в Германии, где получил от Министерства науки и образования Земли Гессен (Германия) учёную степень доктора естественных наук.

7. **Водолазкин Евгений Германович** – прозаик, публицист, литературовед. Ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, руководитель Исследовательского центра «Современная словесность в литературной традиции», главный редактор альманаха «Текст и традиция», доктор филологических наук. Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» (Первой премии – 2013 год, за роман «Лавр», в дальнейшем переведённый на 28 языков; Второй премии – 2016 год, за роман «Авиатор»). Лауреат литературной премии «Ясная Поляна», премии конвента «Портал», международной премии «Милован Видакович» (Сербия), итальянско-русской Премии Горького (Сорренто).

8. **Глоба Павел Павлович** – прозаик, публицист, историк, теле- и радиоведущий, астролог. Ректор Астрологического института, руководитель Центра Павла Глобы.

9. **Глуховский Дмитрий Алексеевич** – писатель, колумнист, теле- и радиоведущий, военный корреспондент. Прозаик, автор мирового бестселлера – романа-антиутопии «Метро 2033» (переведён на 37 языков, общий тираж свыше 1 млн экземпляров). Лауреат Международной премии Eurocon («ESFS Awards») Европейского общества научной фантастики.

10. **Гусев Владимир Иванович** – прозаик, литературный критик, публицист. Доктор филологических наук, профессор Литературного института имени А. М. Горького.

11. **Дарин Дмитрий Александрович** – поэт, прозаик, публицист, член песенной комиссии Союза московских композиторов, художественный руководитель музыкального коллектива «Рядовой Дарин». Сопредседатель Исполнительного комитета и председатель отборочного Жюри Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...». Координатор Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь». Лауреат Международного фестиваля патриотической песни «Красная гвоздика».

12. **Добрынин Андрей Владимирович** – поэт, прозаик, переводчик. Работал редактором в ведущих столичных издательствах: «Росмэн», «ОЛМА», «АСТ» и др. Один из основателей Ордена куртуазного маньеризма (самоназвание: «Объединение поэтов “нового сладостного стиля”»). Был Великим Приором данного Ордена. После его распада – основал и возглавил Общество куртуазных маньеристов.

13. **Емелин Всеволод Олегович** – поэт, реставратор, лауреат Григорьевской поэтической премии.

14. **Замотина Марина Анатольевна** – прозаик, литературный критик, литературовед, публицист, историк. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

15. **Замшев Максим Адольфович** – поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Главный редактор «Литературной газеты», главный редактор журнала «Российский колокол». Лауреат Всероссийской премии имени Николая Рубцова, Всероссийской премии имени Николая Гумилёва, Международной премии имени Дмитрия Кедрина.

16. **Иванов Геннадий Викторович** – поэт, первый секретарь Союза писателей России, председатель Исполнительного комитета Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...». Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всероссийской литературной премии им. В. Я. Шишкова, Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь», «Большой литературной премии России».

17. **Казначеев Сергей Михайлович** – поэт, прозаик, критик, публицист. Доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы и литературной критики Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат премий журналов «Литературная учёба», «Дальний Восток», «Московский вестник». Член Экспертного совета Книжной дирекции Правительства Москвы – руководитель секции «Москва в классической литературе».

18. **Калитин Пётр Вячеславович** – поэт, прозаик, публицист, историк. Доктор филологических наук, профессор.

19. **Кедров Константин Александрович** – поэт, литературовед, литературный критик. Кандидат филологических наук, доктор философских наук. Основатель поэтического течения «метаметафоризм», главный редактор издания «Журнал ПОэтов». Лауреат Международной премии Республики Корея («Премия Манхэ»), премий журнала «Дети Ра», премии газеты «Литературная Россия».

20. **Кириенко Юрий Иванович** – кандидат технических наук, автор свыше 60 изобретений СССР и патентов Российской Федерации. Руководитель Творческого центра имени Николая Рубцова. Главный редактор альманаха «Звезда полей», организатор Московского фестиваля «Рубцовская весна» и московских конференций «Рубцовские чтения».

21. **Кононова Нина Витальевна** – доцент, кандидат филологических наук (защитила первую в постсоветской России диссертацию, посвящённую творчеству Зинаиды Гиппиус).

22. **Кошелев Николай Александрович** – прозаик, публицист, армейский журналист. Уроженец Клепиковского района Рязанской области. Генерал-майор в отставке. Возглавлял комсомол Вооружённых Сил СССР, будучи членом Бюро ЦК ВЛКСМ. Был главным редактором журнала «Коммунист Вооружённых Сил». Автор ряда статей о Сергее Есенине.

23. **Крупин Владимир Николаевич** – прозаик, публицист, сопредседатель Союза Писателей России, лауреат Патриаршей литературной премии. Главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь», председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Был главным редактором журнала «Москва», преподавателем Московской духовной академии.

24. **Куняев Сергей Станиславович** – публицист, литературный критик, историк литературы, заведующий отделом критики журнала «Наш современник». Автор книги «Сергей Есенин», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (в соавторстве со Станиславом Куняевым), выдержавшей с 1995 года семь переизданий. Лауреат Литературной премии «Зодчий» имени Дмитрия Кедрина.

25. **Личутин Владимир Владимирович** – прозаик, лауреат премии Правительства Российской Федерации, «Большой литературной премии России», литературной премии «Ясная Поляна», Бунинской премии, премии «Золотой Дельвиг». Живёт в Москве и в деревне Часлово Клепиковского района Рязанской области.

26. **Меньшиков Тимур Владимирович** – литературовед, кандидат филологических наук (диссертация посвящена творчеству Сергея Есенина). Автор монографии «В глазах моих прозрений дивных свет. Философско-поэтические взгляды С. А. Есенина».

27. **Налепин Алексей Леонидович** – кандидат исторических наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького РАН. Главный редактор альманаха «Российский архив» (с 1991 года), вице-президент Российского Фонда культуры (с 1996 года). Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

28. **Небольсин Сергей Андреевич** – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького РАН. Преподавал в статусе профессора в Осацком университете иностранных языков (Япония) и Шанхайском университете иностранных языков (Китай).

29. **Нилогов Алексей Сергеевич** – генеалог, публицист. Кандидат философских наук. Председатель Южно-Сибирского историко-родословного общества. Автор-составитель трёхтомника «Кто сегодня делает философию в России» (2007, 2011, 2015 гг.). Соавтор монографии «Семь поколений восходящего родословия Владимира Владимировича Путина».

30. **Норд Геннадий Эдуардович** – поэт, композитор, бард. С 1992 года проживает в Монреале (Канада). Создатель и руководитель Союза писателей Северной Америки. Составитель «Антологии русских писателей Северной Америки». Лауреат премии ГУВД города Москвы, Международной премии «Золотой Дюк».

31. **Нырков Сергей Ильич** – поэт, бард. Родился в селе Берестянки Сасовского района Рязанской области. Лауреат Всесоюзного конкурса одного стихотворения газеты «Литературная Россия», лауреат премии газеты «Поэтоград».

32. **Радечко Пётр Иванович** – прозаик, литературовед, член Союза писателей Беларуси. Проживает в Минске. Автор книг: «Гомельская Есениниана», «Троянский конь репутации Есенина», «Есенин и белорусская поэзия», «Есенин и Беларусь», «Реабилитированный Есенин» и др.

33. **Рачин Евгений Иванович** – поэт, автор текстов песен. Доктор философских наук, профессор.

34. **Руднев Александр Петрович** – прозаик, литературовед, литературный критик. Кандидат филологических наук.

35. **Самоделова Елена Александровна** – доктор филологических наук, профессор. Член Есенинской группы, ведущий научный сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького РАН.

36. **Сашин Сергей Михайлович** – поэт, автор текстов песен, либреттист, продюсер шоу-бизнеса. Секретарь Ревизионной комиссии Российского авторского общества (РАО).

37. **Сенчин Роман Валерьевич** – прозаик, публицист, литературный критик. Руководитель Издательского дома «Выбор Сенчина», помощник депутата Государственной Думы ФС РФ Сергея Шаргунова. Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Новый мир», «Дружба народов», «Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Континент» и др. Произведения переведены на финский, шведский, немецкий и английский языки. В 2011 году роман «Елтышевы» вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия». Лауреат премии Правительства Российской Федерации, Национальной литературной премии «Большая книга», литературной премии «Ясная Поляна», премии журнала «Знамя».

38. **Сёмкин Илья Данилович** – поэт, композитор, бард. Постоянный участник андеграунд-фестивалей «Редкая Птица и Заяц представляют», «Лестница», «Unplugged @ Acoustic», «За порогом», «Фонари» и др.

39. **Сибирцев Сергей Юрьевич** – прозаик, публицист. Руководитель Клуба писателей-метафизических реалистов при Центральном Доме литераторов. Лауреат Международной литературной премии имени Андрея Платонова, лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

40. **Сидорина Наталья Кирилловна** – поэт, переводчик, сценарист, публицист, автор ряда изданий и статей о Есенине (в том числе книги «Златоглавый. Тайны жизни и гибели Сергея Есенина»). Член Комиссии по выяснению обстоятельств смерти поэта Всероссийского писательского Есенинского комитета.

41. **Силкин Владимир Александрович** – поэт, переводчик, публицист. Почётный гражданин Рязанской области. Член Правления Рязанского землячества в Москве. Кандидат педагогических наук. Полковник запаса, начальник Студии военных писателей при Культурном центре Вооружённых сил Министерства обороны Российской Федерации. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

42. **Скорородов Максим Владимирович** – кандидат филологических наук (диссертация посвящена раннему творчеству Сергея Есенина). Член Есенинской группы, старший научный сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького РАН.

43. **Смирнов Владимир Павлович** – литературовед, литературный критик, публицист, теле- и радиоведущий. Профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького, кандидат филологических наук. Вёл лекционные курсы в университетах Италии, Вьетнама, Германии, Франции, а также в различных высших учебных заведениях России и Белоруссии. Лауреат Всероссийской литературной премии имени И. А. Бунина, Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

44. **Соколкин Сергей Юрьевич** – поэт, прозаик, автор текстов песен, переводчик, председатель Просветительского проекта «Белые журавли России». Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

45. **Сорокин Валентин Васильевич** – поэт, лауреат Государственной премии Российской Федерации. В недавнем прошлом – проректор Литературного института имени А. М. Горького, руководитель Высших литературных курсов при Литературном институте имени А. М. Горького. Председатель Всероссийского писательского Есенинского комитета.

46. **Фефелов Андрей Александрович** – публицист, литературный критик, заместитель главного редактора газеты «Завтра», главный редактор телеканала «День-ТВ».

47. **Чистяков Александр Александрович** – поэт, руководитель Всероссийского форума гражданской поэзии «Часовые памяти», директор Всероссийского открытого фести-

валя молодых поэтов «Мцыри», организатор литературных фестивалей «Московские салюты», «Мартовские львы», «Барышневы сад».

48. **Шетракова Светлана Николаевна** – кандидат филологических наук, автор ряда книг и статей о Сергее Есенине. Директор Государственного Музея Сергея Есенина в Москве.

49. **Шубникова-Гусева Наталья Игоревна** – литературовед, доктор филологических наук, профессор. Главный научный сотрудник, руководитель Есенинской группы ИМЛИ имени А. М. Горького РАН. Опубликовала свыше 100 научных работ, посвящённых Сергею Есенину (в том числе в России, США, Польше, Франции).

Глава I. Прелюдия к большому разговору. Структура коллективного обсуждения

Знаменитый русский поэт, от которого на Родине буквально сходили с ума преданные почитатели, – носили на руках, визжали от восторга при его впечатляющих декламациях – скупал в зябком одиночестве в номере дорогущего американского отеля. И настойчиво силился разобраться в хитросплетениях местных газет – что же там такого-разэтакого про него понаписали? Увы, печатали всё больше какую-то странную ерунду, прямо скажем. В основном и не о нём даже, а всё больше о новоиспечённой супруге – дородной танцовщице, довольно успешно выступающей перед пресыщенной публикой с авторскими «босоногими» танцами. А о нём – всё вскользь да не по делу.

«Молодой русский, которому, как выяснилось, уже 27 лет, выглядит не старше семнадцати... Не владея английским, он, стоя рядом с женой, кивает с одобрительной улыбкой, подтверждая всё, что она говорит репортёрам» – гласила – даже не передовица, нет! – обычная безлика замечка в разделе светской хроники.

Вот незадача! Ведь изначально-то в грандиозных планах рисовалось, что Америка будет восторженно встречать поэта чуть ли не с военными оркестрами, картинно падать к ногам и, в конце многочисленных помпезных приёмов, – обречённо признавать приоритет великой русской поэзии в общемировом масштабе! Но «не срослось» как-то всё... Обмолвились, конечно, о том, что странный русский, прибывший поглазеть на Америку в обнимку с великовозрастной женой – ещё вроде как и литератор. Упомянули вскользь: «известен в России как поэт...» – важное уточнение. Потому как в Америке информация подавалась всё больше малокомплиментарная.

Сам поэт Сергей Есенин (да-да, речь о нём – о ком же ещё?) вспоминал позднее, что около двадцати дали статьи о его (вкуче с женой) визите в Штаты, но там в основном *«говорилось... немного об Айседоре Дункан... но больше всего – о моих ботинках и о том, что у меня прекрасное атлетическое сложение и что я наверняка был бы лучшим спортсменом в Америке»*.

Классическое «по одежке встречают»... Впрочем, за океаном и провожают всё так же. От размусоливания «одежки» заморского гостя (*«Одеждой не отличается от обычного американского коммерсанта – простой серый костюм из твида...»*) до чисто «жареных» обвинений в некоем «коммунистическом экстремизме».

Впрочем, о чём точно думал Есенин, какие непечатные фольклорные обороты употреблял, рассматривая нью-йоркские газетки, – мы уже вряд ли точно узнаем. Но, по воспоминаниям современников, вернулся Сергей Александрович в Россию довольно раздражённым: и на Америку, и на очередную жену – Айседору... Америку приложил от души в путевых заметках «железный Миргород», вышедших в центральной газете «Известия», с Айседорой довольно скоро развёлся. (Точнее – провернул «финт», который успешно опробовал со многими своими супругами. Чтобы не тратить время на процедуру официального развода, поэт «как-то кстати» раз от раза «терял» паспорт. А потом, по заявлению, получал новый – уже без штампа о браке и, соответственно, без указаний на супружеские обязательства разного рода).

В «Миргороде» – как мог, проехался недобрым словом об отсталости американцев, не признавшем в нём великого представителя общемировой культуры: *«...американцы – народ... весьма примитивный со стороны внутренней культуры... Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в*

«Business» и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей ступени развития. Там до сих пор остаётся неразрешённым вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По. Всё это свидетельствует о том, что американцы – народ весьма молодой и не вполне сложившийся».

Видимо, только потом, значительно позже, поэт понял, что самым американцам его пытливые наблюдения и раздумья глубоко «параллельны».

Спустя какое-то время стал готовить к печати свои знаменитые «жёсткие» циклы: «Любовь хулигана» и «Москва кабацкая». Часть этих стихов уже частично написана ранее, но вот так, в полноценных циклах – своеобразных вехах есенинского творчества, по мнению многих исследователей, – собраны лишь после тесного контакта с американской действительностью.

...Тогда в США пытался удержаться на своей шаткой морализаторствующей табуретке «Сухой закон». Кто знает, может, Есенин обращался с издёвкой именно к заокеанской стране-блуднице: «Пей со мной, паршивая сука!» (Хотя, может, это и не ей, злой мачехе-Америке, посвящалось: прямого посвящения автором не указано. Тут всё равно одни предположения: кому, как, где, когда, да кто прототип).

А если заняться подобными догадками ещё поглубже да поприспальнее, то можно и порассуждать от души... Только не самому – единичное частное мнение едва ли кому будет интересно. А пригласить экспертов-есениноведов, историков, философов, литературоведов, прозаиков, поэтов, восторженных любителей, а также литературных организаторов, администраторов и распорядителей (а куда сейчас без них?). Глядишь, все вместе и смогут многое в богатом есенинском наследии – как биографии, так и художественном творчестве – прояснить.

Главное, чтобы не получилось очередной монографии. Их уже и так более чем достаточно! По сто раз проговорены и обмусолены все обстоятельства жизни поэта, ни одна из его строк не осталась без внимания пытливых исследователей. «Что-кто-когда-с кем-зачем?» – не думаю, что неискущённому читателю удастся удержаться на плаву в этом бездонном колодце информации.

...Конечно, естественное желание привести чужие мнения к единому знаменателю – это первое, когда подступаешься к чему-то, где действует классическое предупреждение о невозможности «объять необъятное». И что же в таком случае остаётся делать? Быть непробиваемым оптимистом, надеясь на удачное решение с наскака квадратуры круга, формулы философского камня и прочих вечных казусов? У оптимистов это получается на раз! Но я с ужасом начинаю понимать, что тему Есенина не то чтобы «закрыть», но и даже «немного прикрыть» чем-нибудь сверху – ну просто никак не реально! Ну так, разве что укусить пару раз по периметру... Слишком уж она необъятна. А потому – будут и впредь множиться многочисленные полки, вместительные стенные шкафы и бездонные стеллажи с книгами, повествующими о есенинском житье-бытье.

Помню, ещё в самом начале работы по составлению книги наивно предположил в беседе с маститой есениноведкой (представлю её чуть ниже): «думаю, изданных про Есенина книг наберётся не только пара полок, а уже, наверное, целый шкаф?» Та покачала головой и снисходительно улыбнулась. «Что – два шкафа, три... неужели больше?» – я всё не унимался. Получил в ответ «всепрощающий» взгляд, полный глубокого сочувствия (граничащего с надрывным состраданием – так смотрят на совсем уж дремучих дилетантов). «Ну что вы, что вы! Гораздо, гораздо больше!» Когда мне обрисовали картину вкратце, меня ещё целый месяц мучали в ночных кошмарах бескрайние, уходящие куда-то за видимый фокус Вселенной библиотечные стеллажи, на которых призывно красовались разномастные и разноязыкие есенинские исследования.

Насчёт множества книг о Есенине меня просветила Елена Самоделова – ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, доктор филологических наук... и преданная поклонница Сергея Александровича (во всех его амплуа). А заодно ознакомила с основными мифами о Есенине (ниже мы ещё вернёмся к ответу на вопрос: «А что вообще можно считать “безусловным”, то бишь – точно доказанным во Всемирной Есениане»?)

* * *

Сразу признаюсь: это издание – лишь обломок, набухший от солёных волн фрагмент палубной доски, болтающийся после кораблекрушения в штормовом океане. (Пусть даже и поднятый к поверхности – где-то меж необитаемых островов). Шторм едва ли утихнет: поэтическое море традиционно неспокойно. Щепки отдельных фактов будут разноситься прочь от скорбного места морской трагедии волнами разных теорий, мнений, сплетен да суждений. Академические исследователи с научными степенями, экзальтированные дилетанты с горячим желанием докопаться до истины – не суть важно: корабля уже нет, он безвозвратно стигнул в пучине. И раз так, то теперь приемлемы любые версии случившегося. Разве что – одно мнение будет звучать более убедительно, а другое – совсем фантастично. Соответственно, из незыблемого, из бесспорного – лишь сама водная гладь – «несущая волна» настоящего времени и современного литературного пространства, что играет разноцветными бликами... Да ещё эти самые блики – от Солнца, от Луны или от других каких светил – что должны генерировать определённый интерес для читателей в представляемой книге.

Уж слишком широк охват фактов и смыслов, мнений и суждений. Довольно многие люди, придерживающиеся разных взглядов, высказали своё отношение к этому загадочному многозначному явлению, обозначаемому как «Сергей Есенин».

А скромному координатору проекта – то бишь вашему покорному слуге – остаётся лишь постараться, чтобы «информационных бликов» набралось как можно больше, а смысловый поток, стремящийся к читателям, явил себя как можно шире и многоводней. Чтоб восторжествовала полифония суждений, высказалось как можно больше современников – всех тех, для кого вдруг Есенин (в силу самых разных причин) стал значить гораздо больше, чем для простого обывателя.

И тут важно постараться сохранить жёсткий нейтралитет, создать хрупкий паритет из самых разных точек зрения. Во время интервью из меня порой как клещами выпытывали, с недоверием заглядывая в глаза (особенно после «каверзных» вопросов): «А сами-то как к Сергею Александровичу относитесь?» Отвечал предельно честно: «Пытаюсь относиться “никак”, беспристрастно!» И добавлял: «Ломаю себя – особенно сложившиеся мнения и суждения – через колено! Считаю, что обязан (в меру сил) оставаться нейтральным – непробиваемо... до упрямой дури». Иначе, мол, готовящийся печатный труд займётся буйным цветом махровой предвзятости. Ну, жутко не хочется уподобляться маститым телеведущим, кои устраивают «честную теледуэль», но при этом начинают в открытую помогать одной из сторон, «состязающихся в честном споре».

Помню, на вопрос: «Уверены, что сможете остаться “над схваткой”, не свалившись в глубокую яму “pro” или “contra”?» – ответил не без раздумий: «Нет, не уверен вообще ни в чём!» Поэтому, мол, – по бессмертной, хоть и спорной системе Станиславского – стану упорно представлять себя неискушённым студентом из гордой, но бедной африканской страны. Учусь, мол, в «Патриса Лумумбы», изучаю славянскую филологию (хоть по-русски изъясняюсь исключительно в обнимку со словарём и разговорником). Пишу сейчас курсовую – первый курс, второй семестр – по творчеству, как его там? Запомнил что-то... Один момент, сейчас взгляну – у меня записано. Вот: «Е-се-нин». Правда, с творчеством данного автора пока, увы, не знаком

(и даже пока не знаю, кто он: поэт? прозаик? шоумен? этнограф? исследователь мистических глубин? всё вместе?). А сдавать курсовую всё равно придётся. Волнуюсь – успею ли к сроку? Благо у себя на жаркой родине считался журналистом средней руки – клепал очерки о передовиках кокосового производства, брал интервью у именитых шаманов и мелкоэтнических сказителей. Потому ничего нового придумывать и не хочу. Пусть говорят умные, компетентные в нужных вопросах люди, кто эту вашу знаменитость пристально изучал, кто познал со страниц пыльных фолиантов мемуаристики все перипетии её жизни и творчества, вдоль и поперёк. А я лишь потом возьму суровую нитку бесстрастного журналистского повествования – да и сошью все разноцветные, разномастные, изошрённо лоснящиеся и цветасто искрящиеся кусочки воедино. Чтобы получился классический такой африканский коллаж – из доступных подручных материалов. Дай бог, получится добротное лоскутное одеяло, с которым будет и не грех скоротать один-другой угрюмый вечерок. Ну а нет – так не обессудьте!

Помню, тогда меня обвинили чуть ли в неприкрытом цинизме. Мол, негоже так: не быть (хотя бы тайно, пусть глубоко в душе) ярым адептом Вселенской Есенианы – и пытаться что-то там такое выразить о Мастере! Да как вообще, мол, можно в таком случае притрагиваться к столь деликатному материалу своими грязными лапами! Возможно, мой непримиримый собеседник во многом и прав. Хотя скрупулёзно выписывать очередной «рерайт», что традиционно сгинет без видимого следа в почти вековой толще исследований о Есенине – как-то совсем не прельщает...

Поэтому, насколько это вообще возможно, попытаюсь самоустраниться от разного рода плетения объединяющей смысловой нити, модерирования заочной дискуссии, нанизывания на единый стержень замысла... ну и всего такого прочего. Благо все мои собеседники – люди далеко не случайные. У кого в наличии степени и звания, у кого – лауреатства и немалый вес в литературных кругах. А кто-то и вовсе медийной персоной оказался! Что в наши дни всё остальное с лихвой перевешивает. Ну, пусть знающие люди и рассуждают о многозначимых смыслах, отвергая попутно расхожие штампы и некомпетентные доводы! Диктофон запишет, бумага стерпит... авось и читатель прочитает. Или хотя бы «просмотрит наискосок». (Что в условиях всеобщего информационного пресыщения – уже неплохой результат!)

...А когда уже «ввязался» в проект – вдруг проникся: как там, в есениноведении, всё сложно и изысканно! Причём как в научном, так и в «любительском». Количество солидных монографий, популярных книжек и «чего-то среднего» просто зашкаливает! Все, кто инфицирован «есенинофилией», считают насущно необходимым издать книжку... другую-третью... пятую-десятую... Или хотя бы пёстрый пучок статей, причём размещая их где только придётся: от районных многотиражек и корпоративных буклетов до центральных СМИ.

Получаешь тут письмо из Минска: *«Кем я считаю Сергея Есенина для себя? – Светочем моей жизни! Под его знаменем живу с юных лет. Собрал коллекцию в полтысячи его книг и о нём. Сам выпустил семь. Вырезок публикаций о нём в моём архиве несколько тысяч, множество всяких вещей с его именем»*. Такое вот скромное хобби... Кстати, появился повод представить нашего первого респондента, раз уж я упомянул его. Итак, встречайте – **Пётр Радечко**, гражданин братской Беларуси. Исследованию творчества и увековечивания памяти Есенина посвятил всю жизнь. Причём сугубо на общественных началах, в свободное от основной работы время. Но, несмотря на чистый энтузиазм, его впечатляющее подвижничество в есениноведении замечено и должным образом отмечено. О чём уважаемый Пётр Иванович охотно расскажет благодарным читателям: *«Моя книга “Есенин и Беларусь” удостоена диплома лауреата Республиканского литературного конкурса “Лучшее произведение 2011 года в области критики и литературоведения”, а книга “Реабилитированный Есенин” удостоена диплома*

Международной литературной премии имени Сергея Есенина “О Русь, взмахни крылами...”. К тому же я награждён медалью “Сергей Есенин”».

Профессиональные есениноведы, впрочем, также не отстают. Как вам, например, такой капитальный научный труд: «Есенин и масонство»?

«Так ведь не состоял же!..» – робко запротестует доверчивый читатель.

«А никто и не утверждает обратного!» – только и остаётся ответить. Но вот о том, как именно Есенин «не состоял, не участвовал, не привлекался...» – и повествует сей серьёзный академический опус. А написала его **Наталья Шубникова-Гусева** – руководитель Есенинской группы Института мировой литературы имени Горького Российской академии наук. Профессор, доктор филологии. Более подробно о непростых есенинско-масонских взаимоотношениях можно будет прочесть в главе, повествующей о религиозных и мистических воззрениях поэта. А пока, для затравки, изящный сюжет от Шубниковой-Гусевой для раздумий: «*В быту имажинисты обыгрывали не только костюмы, но и другие символы и обычаи масонов. Своё объединение они называли по аналогии с масонским: “Ассоциация вольнодумцев” и “Орден имажинистов”. А также учредили Верховный совет Ордена имажинистов, члены которого, в том числе Есенин, именовались Верховными мастерами Ордена... Угловой диванчик в есенинском кафе “Стойло Пегаса” имажинисты называли “ложей”. Имелась у Есенина и изящная чернильница с масонским символом – черепом Адама, что ныне хранится в Государственном литературном музее».*

Уф, вот и представил второго участника настоящего издания. Дело осталось за малым – обозначить и достойно представить разноплановыми суждениями и предположениями оставшиеся четыре дюжины респондентов. Хотя, пожалуй, для удобства можно их и торжественным списком представить, как при выдвижении в дежурный Почётный президиум. Своеобразный междисциплинарный коллоквиум, посвящённый великому поэту. (Такой список смотрите в начале настоящей книги. – *Прим. ред.*)

...А теперь – о самом наболевшем. Ведь терзания из разряда вечных, проклятых вопросов: «А стоит ли участвовать в ещё одном “есенино-рассматривающем”» опусе?» – смущали меня не один день! Что, мол, можно в принципе написать такого, что до меня никто – ни из классиков, ни из современников – не обозначил? Имеет ли смысл плодить перепевы одного и того же? Ответ на первый взгляд очевиден. Но мой юношеский максимализм (на шестом-то десятке!) не позволил так вот, без боя, спасовать.

И потому – представляю заветный алгоритм «подачи материала», найденный в муках и терзаниях. Пусть многочисленные исследователи и ценители жизни-творчества Есенина (а заодно – и осторожные в формулировках оппоненты) высказывают свои заветные мысли вслух. Почему именно вслух, а не письменно, что привычнее? Прежде всего чтобы, не дай бог, не выдать ненароком «на-гора́» подобие заунывной филологической диссертации (где основными инструментами выступают ножницы и клеящий карандаш, пусть и в их виртуальном аналоге: настрогал цитат из чужих книжек, скрупулёзно переклеил на новые листы... Главное – не забыть проставить сноски. И указать цитируемые источники, общим массивом до полутысячи). А так – всё же будет хоть какая «добавочная стоимость» у издания – широкий срез мнений современников. А я, со своей стороны, всё аккуратно зафиксирую, перенесу на бумагу... и постараюсь подбить под общий знаменатель. Ну... и всё на этом!

Итак, резюмирую: перед вами, уважаемый читатель, книжка-интервьюшка. Что наговорили на диктофон мои уважаемые собеседники – то я и вставил в конечный текст. (Как тради-

ционно оговаривается в шаблонно-газетной традиции: «Оригиналы аудиозаписей в редакции имеются!»)

В результате формат книги можно попытаться обозначить как «актуальные беседы о жизни и о творчестве на примере Сергея Есенина»). Если нужно уточнение, пожалуйста: «о нём», «на тему него», «вокруг да около некоторых его качеств». А всё остальное (жизнь-любовь-творчество-гибель и прочее) – это сопутствующий повествованию креатив. Без этого не обойтись, но сразу оговорюсь: слишком уж разный, не похожий один на другого, у моих собеседников получается Есенин. Не знаю даже, увы или к счастью, довольно много набралось разношёрстных да разномастных Сергеев Есениных! И каждый – со своим колоритом, особенностями, талантами и странностями.

Иногда, особенно когда только начинал брать интервью, я недоумённо перебивал собеседников: «Это вы сейчас про кого, про Есенина рассказываете?!» Иногда получал утешительный ответ: «Нет, это уже о Троцком, который Есенина особо привечал...» Тогда я облегчённо вздыхал: «Уф, от сердца отлегло!» Но порой слышал и обескураживающее: «Да, про него, про Сергея Александровича, – а что именно вас смущает?» Тогда старался совладать с дрожью в голосе и открывал личный сезон соглашательских киваний: «Нет-нет, продолжайте!»

Порой в один день случалось взять два совершенно разных – не просто непохожих интервью, но, как казалось, не имеющих даже общих точек соприкосновения. Во всяком случае, такими получались ответы на вроде бы одинаковые вопросы. Но в результате создавалось ощущение, будто беседуем не только о разных людях, но и про совершенно не похожие друг на друга культурные эпохи... В такие моменты ускользающий облик Сергея Есенина представлялся сугубо мифическим, выписанным в разной цветовой и смысловой гамме. (Правда, потом вечером переслушивал записи... и судорожно размышлял: как вот «это всё великолепие» сшить в некое единое целое? Есенин представлялся мне то двуликим Янусом, то тысячеликим Шивой, а то – по всем правилам нигилизма – растворялся в безучастной вселенской пустоте. Впрочем, обо всём этом и будет подробно рассказано в книге).

Ещё раз подчеркну, но без этого никуда: повторов в книге планируется много. По идее – каждый новый ответ моих уважаемых соавторов должен «ощупывать» требуемую панораму с разных фокусных точек. Магистральный подход к изложению полученного материала будет следующим: существует некий «чёрный ящик» с аббревиатурой «С.А.Е.» на боках (наподобие тех, что находят на дне океана после трагических авиакатастроф). Ящик повреждён, долго пролежал на илистом дне... но существуют сонмы специалистов по авионавигации, баллистике, записывающим устройствам, криптографии, моделированию полётных ситуаций, – что смогут попытаться дешифровать отловленные данные.

Конечно, степень удачности предприятия заранее не известна, и реконструкция событий сможет произойти лишь в некоем приближении. Ведь исчерпывающую информацию мог бы дать лишь сам командир величественного трансконтинентального лайнера «С.А.Е.». Но тот уж больше чем девять десятков лет назад трагически закончил свой суборбитальный полёт в питерском «Англетеере». Сам ли вывернул руль в безвозвратный «штопор» или его предательски «сбили» – так до сих пор и не ясно. За давностью лет уже ничего не доказуемо в той степени, что не допускает сомнений. Разве что может быть высказано в качестве предположения, с большей или меньшей степенью убедительности. Но все версии выслушаем, факты и догадки аккуратно задокументируем. И, как говорят на Востоке: «Пусть расцветают тысячи цветов...» Тем более что распускаются эти цветы-мнения на могиле великого поэта.

Глава II. Биографии – или сами произведения? Любовь к поэту – или к личности? Книги... или музеи?

«Читай непосредственно стихи – чего тебе дадут противоречивые версии биографий поэта?» – признаюсь, подобную мысль, в самых разных формах, я выслушал не меньше дюжины раз. Поэтому даже и не буду указывать авторство данного тезиса – не знаю, указать с десяток имён собеседников через запятую или оставить здесь как некий новый городской фольклор.

Хотя резче всех высказались по этому поводу самые молодые консультанты издания. Первый – знаковая фигура питерского поэтического андеграунда, **Илья Сёмкин**: *«Есть что-то порочное в желании представить жизнь поэта через какие-то происшедшие с ним события, через призму сомнительных высказываний его критиков или современников, зачастую абсолютно некомпетентных исследователей или банальных сплетников. Важны не жизненные обстоятельства и даже не трагический конец, а та энергия, что тридцать лет проходила через Есенина, выливаясь в идеально законченные стихотворные строки».*

Второй – **Максим Замшев**, возглавляющий знаменитую «Литературную газету»: *«Копаться в личной жизни великих творцов – не дело писателей, наше дело – литература. Чтобы заниматься изучением чужой личной жизни – нужно поднять массу документов, проверить их подлинность! А как у нас обращаются с документами – мы знаем. Как много необъективных современников, плохо скрывающих своё злопахательство, – мы тоже знаем. Так что это дело литературоведов: это они – за зарплату! – изучают разного рода обстоятельства жизни. А литераторам должно быть больше интересно само творчество!»*

Ну и третий, **Александр Чистяков**, – не только поэт, но и цепкий куратор, организатор сценического литпроцесса: *«И всё-таки судьба поэта – это прежде всего его произведения. Вообще считаю, что подробные биографии поэтов нужно запретить публиковать, чтобы не отвлекали от главного – за поэта должны говорить его стихи! Да, про Есенина многое чего говорят, но народ не читает эти заумные книжки, где скрупулёзно перечисляют его любовниц или дебоши. Считаю, что обычному читателю не надо выкладывать всю подноготную. Например, как опубликовали книжку про Высоцкого, там по минутам последние дни перед смертью зафиксированы. Зачем?»*

И ведь действительно: Сергей Александрович Есенин оставил столь обширное наследство из художественных произведений, что даже жалко времени на размазывание по концептуальному полю разного рода фактов-слухов-преданий о его земной жизни. И правда тогда – зачем? И возразить тут, в общем-то, нечего.

Но вот что говорит известный прозаик **Евгений Водолазкин**: *«Всякий поэт не то чтобы актёр, скорее, он усиленно заботится о своей биографии – той, что представляет публично. Для прозаика, скажем, биография не играет столь важной роли. А для поэта она важнейшая составляющая его творчества. И так было всегда: вспомним биографии Байрона, Пушкина, Лермонтова. Все известные поэты имеют биографию, которая в определённой мере – некий “сертификат” его поэтической состоятельности. Если человек способен уйти воевать или вызвать обидчика на дуэль, то та кровь, которая сочится из его стихов, – настоящая. Это не клюквенный сок!»*

Как вариант: будем рассматривать в этой связи если не всех деятелей искусства, то хотя бы поэтов? Их творческие изыскания – в непосредственном сочетании с «публичной биографией»?.. Впрочем, тут вряд ли можно прийти к единому мнению...

Можно рассмотреть и такой довод: два моих давних приятеля, придерживающихся буддийского вероисповедания, утверждают без тени сомнения, что получают некое «истинное

духовное наслаждение», скрупулёзно изучая сохранившиеся предания о жизни и деяниях Будды. Мол, одних только текстов его сутр-проповедей как-то маловато! Если не знать о царском происхождении Будды, земной жизни, просветлении, – то и высказанные им бессмертные станцы как-то бледнеют, размываясь в неясном историческом контексте. Если, мол, не вошёл царевич Сидхартха Гаутама в Нирвану, то и его бессмертное речение «сарва дуккха» («Всё есть страдание, искажение» – из учения о Благородных Истинах) – не более чем удачная поэтическая находка.

А ведь есть же ещё и христианство, где деяния Иисуса Христа, рассказы о его земной жизни не менее значимы, чем его проповеди и притчи. А хадисы Пророка Мухаммада? Мои знакомые, исповедующие Ислам, уверяют, что изучение жизнеописаний Пророка помогает находить тонкие, скрытые смыслы в священном Коране!

Наверное, скажете, сравнение явно неудачное? Конечно, никто не спорит: сами явления – разного порядка и явно не одного масштаба! Но законы человеческого восприятия, видимо, всё же схожи. Обычная, земная жизнь неумолимо вносит особые обертона в Небесную миссию. Божественный дар может быть выражен не только в духовном служении, но и в других, не столь ярких, но, тем не менее, – также важных атрибутах. Таких, скажем, как художественное творчество. К тому же я услышал столько утверждений об особом «провидческом даре» Сергея Есенина, о его «вневременном значении», – что теперь как-то и не возьмусь утверждать что-либо обратное.

Ну и потом, – я сам немало удивился, узнав, что существуют люди, которые уже прочитали все известные нам стихи Есенина, причём не по одному, и не по два раза. И даже заучили наизусть довольно объёмный пласт его творчества. И потому, за неимением надежды на обнаружение новых, не изданных доселе есенинских рукописей, – питают страстные надежды на обнаружение свежееотысканных фактов из его биографии. Они увлечённо спорят, азартно обсуждают, скрупулёзно сопоставляют, – нагнетая такой ментальный драйв, который несопоставим с большинством унылых образцов словотворчества, гордо именуемых «современная литература». Так что в этом смысле Сергей Есенин продолжает свой венценосный творческий путь на Земле: через своих преданных почитателей и пытливых изыскателей.

Но это если попытаться окинуть взглядом общую тенденцию. А если перейти к частностям, то специалисты-есениноведы могут доходчиво объяснить необходимость более серьёзного отношения именно к «скрытой структуре» творчества поэта, запрытанной от беглого нетерпеливого взора.

Елена Самоделова: *«Считаю, что нужно не просто читать произведение писателя, а пристально изучать. Поэтому и пишутся многочисленные комментарии, словари и так далее. Да и потом: возникает вопрос, что за человек скрывается за этими стихами? То, что производит лирический герой, – это совпадает с позицией автора или противоречит ей? Писатель – копия своих героев или намного шире? Хочется увидеть эту разницу. Очень важно и социальное положение автора, и место рождения, жительства, и образование... Если интереса к автору как к личности не возникает – значит, и стихи его исчезнут, уйдут в небытие».*

Как-то так – ни больше ни меньше. Действительно, если автор «ничем не цепляет», то не будут интересны и все сопутствующие с ним обстоятельства. Что он там хотел кому выразить, посредством каких форм и приёмов, какой была тайная «предыстория» у творчества... Всё – мимо, мимо. А вот если вдруг строка «схватила и не отпускает» – то тут совсем другое дело. Будешь вчитываться, вдумываться, размышлять. Захочешь узнать побольше. Не заметишь, как уже тебя «захватит» – и творчество, и личность – окончательно. Будешь искать хоть что-то об объекте своего нового увлечения. И вряд ли когда насытишься. Во всяком случае, пока вспыхнувшие чувства не покинут окончательно – тут всё как взаправду: «полюбил-разлюбил».

Во всяком случае, среди отказов от интервью (среди потенциальных, но так и «не случившихся» соавторов данной книги) на первом месте стояло что-то вроде: «Я уже Есениным давно переболел, в юности».

К непонимающим – вернёмся чуть позже. Сергей Александрович мог бы как никто другой похвастаться крепкой массой «непонимающих и не принимающих» – особенно из числа коллег по литературному призванию. А сейчас неплохо бы предоставить слово беззаветно влюблённым, хранящим безусловную верность своему Мастеру.

Читаем выдержки из интервью **Светланы Шетраковой**, директора Московского Государственного музея Сергея Есенина: *«Любовь к Есенину повлияла на всю мою жизнь. Я поступила на филологический факультет именно благодаря любви к Есенину. А ещё до этого, в десятом классе, пошла заниматься в Школу юных филологов, также только из любви к нему и к его творчеству. Учась на втором курсе филфака, всё бросила и уехала в Константиново. И, не объясняя ничего, – жила ли я раньше в деревне, есть ли у меня необходимый опыт и так далее – стала просить оставить меня в есенинском музее-усадебке: хоть дворником, хоть сторожем. И Владимир Астахов, тогда он там работал директором, взял меня экскурсоводом как настоящую почитательницу Есенина. Уверяю: всех, кто приезжал в Константиново, объединяла безграничная любовь к Великому поэту. Спрашивали, в основном о том, какой он был в жизни. И все разговоры – про Серёгу, парня «своего в доску». Я работала в музее день и ночь: топила печь, клеила обои в избе поэта... Чистый энтузиазм, зарплата – мизерная. Я хорошо помню это необычайное время – меня все мои родственники воспринимали как сумасшедшую».*

Именно так: «сумасшедшая» любовь, даже одержимость – для всех тех, кому этого чувства не понять. И подвижничество, служение – для тех, кому свойственна «безграничная любовь к поэту».

Кстати, можно понять, почему для всех поклонников Сергея Есенина стал так важен музей на его малой родине, в рязанском селе Константиново. Это, если хотите, место паломничества и поклонения – олицетворённый символ проникновенных есенинских строк. Ведь там можно осуществить мечту о встрече с людьми, близко знавшими поэта! А плюс к тому – лично пройти той заветной тропинкой в поле, по которой, возможно, ходил сам Есенин.

Валентин Сорокин: *«Я печататься начал рано, в 18 лет. И твёрдо решил: как буду издавать первую свою поэтическую книжку, то обязательно приеду на родину Есенина. В 19 лет я, молодой и наивный, приехал в Константиново. Меня потрясло, что домик стоит простой, как и все крестьянские. Смотрю, всё так тоскливо, сел на траву. Я взял бутылку водки, на всякий случай соли немного и хлеба буханку – сижу напротив домика Есенина. Идёт бабушка: “Мила-ай, ты к Есенину приехал?” – “Да”. – “Ты что, стихи его любишь?” – “Да, много знаю”. – “Не надо, он был плохой человек, хулиганил, говорят”. – “Давай выпьем по рюмочке”. Посидели, выпили, она и говорит: “Мало ли чего там про Есенина наговорят!”. Ещё выпили: “Знаешь, сколько на него нагали? А какой это был добрый, светлый человек, бывало, приедет к нам, всех соберёт, угостит, потом поём песни, а он с нами поёт”. Выпили в третий раз. Она и говорит: “Никому не верь. Только негодяи о нём плетут нехорошее, а народ наш его любит: он добрый, скромный. А я в молодости, наверное, ему нравилась: всегда меня приглашал. Подруги вспоминают, что я тогда красавицей слыла”. Тогда шёл 1959 год. А когда я уже приехал в Москву, то стал ежегодно ездить в Константиново и познакомился там с сёстрами Есенина – Екатериной и Александрой. Они на лето приезжали в Константиново и жили там летом. Приезжала туда и Татьяна, племянница Александры. Потрясли они меня: настолько показали родными, простыми, крестьянскими, поэтическими душами».*

Вот такой эпический сказ, по всем законам жанра: «И в третий раз закинул старик невод...» А, впрочем – почему бы и нет?

И подобных воспоминаний в процессе работы над книгой набралось немало. Есенинское Константиново предстаёт некой поэтической Меккой, к которой обязательно должен совершить паломничество каждый ценитель есенинского гения, да и любой уважающий себя ценитель русской культуры. В Константиново ездили и в одиночку, и с друзьями, и целыми экскурсионными ватагами. Как вспоминает тот же **Валентин Сорокин**: *«Привёз я в Константиново автобус молодых поэтов, москвичей – июль-месяц на дворе шёл – и сёстры Есенина нам навстречу вышли. Ворота все цветами заросли, а сёстры Есенина распахивают их, говорят: не бойтесь, мол, проходите все – прямо через цветы. И слёзы у них на глазах!»*

Слушаем рассказ **Николая Кошелева**, в прошлом руководителя всего армейского комсомола. Аккурат про те времена, когда он служил ещё обычным молодым лейтенантом: *«Ежегодно по два-три месяца курсанты Рязанского военного автомобильного училища проводили в учебном центре “Сельцы” – под Рязанью, на берегу Оки. Хорошо помню этот обычный палаточный полигон, где в весенне-летнюю пору, с утра и до вечера шли полевые занятия. Самыми радостными становились минуты отдыха, но больше всего радовались курсанты экскурсиям в село Константиново, в гости к сёстрам Сергея Есенина. Это светлое, зелёное, привольное село находилось на противоположном берегу Оки, его было видно из наших лагерных палаток. Сёстры Есенина постоянно проживали в Москве и на даче в городе Сходня, но в летнее время частенько навещали в родную деревню Константиново и останавливались в небольшой избе, принадлежавшей деду по материнской линии, то есть – напротив музея. Узнав о появлении в деревне сестёр, мы спешили к ним, чтобы предварительно договориться об экскурсии. Вообще-то они изрядно уставали от наплыва многочисленных туристов, но нам, военным, проявляя уважение, никогда не отказывали. В качестве сувениров мы привозили им армейские “сухпайки” с банками тушёнки – им нравились эти незатейливые гостинцы. Каждое лето, начиная с 1968 года, курсанты училища почти еженедельно посещали село Константиново: ездили на экскурсии поротно. А это примерно по 80–90 человек за лето!»*

Конечно, не всех гостей Музея сёстры Есенина встречали столь приветливо. Как тут ещё раз не заострить внимание на фразе **Николая Кошелева** о сёстрах поэта: *«Вообще-то они изрядно уставали от наплыва многочисленных туристов...»* А вот что по этому поводу вспоминает литературовед **Александр Руднев**: *«Екатерина Александровна Есенина, родная сестра поэта, будучи уже в почтенном возрасте, рассказывала мне, что в 70-х годах многие повадились ездить в ресторан “Русская быль” – что находился на родине Есенина, в Константиново – и пьянствовать там. А затем многие, в подпитии, непременно хотели видеть самолично сестру Есенина. Когда Екатерину Александровну заставляли дома и о чём-то спрашивали, то она неизменно отвечала: мол, “сёстры Есенина нет, а я здесь – домработница”». Наверное, это более чем правильно, что разное бытовало отношение к настоящим почитателям творчества поэта и к праздно скучающим зевакам (они же «туристы»).*

Как тут не вспомнить, что речь идёт о тех временах, когда официозные идеологи и функционеры от культуры зачастую воспринимали имя Есенина, мягко говоря, настороженно? В открытую пусть и не запрещали, но всячески, как могли, «придерживали да не допускали» популяризацию его творчества. Слушаем **Светлану Шетракову**, много лет проработавшую в Музее поэта в Константиново: *«В то время отношение к Есенину со стороны государства было прохладным. Мы сами всё делали, никто нам со стороны власти не помогал: собирали музей Есенина, ездили по деревням, обустроивали».*

Хотя со стороны научного сообщества всё же чувствовался устойчивый интерес: скорее даже вопреки действующим на тот момент идеологическим установкам в сфере культуры. **Светлана Шетракова**: *«Однажды в Константиново приехала директор Государственного литературного музея, и они взяли за меня серьёзно – привезли в Москву, сказали, мол, будешь*

Есенина теперь здесь читать и изучать. В тот момент я занялась более основательно научной работой, стала писать диссертацию по Есенину».

Конечно, радует, что Есенин не относился к совсем уж «таким замалчиваемым поэтам», как, к примеру, казнённый «пламенными революционерами» Николай Гумилёв. Сергея Александровича вполне открыто изучали представители академических кругов, писали научные работы, монографии, защищали диссертации. Может быть, даже как некая научная фронда с царящим официозом. Всё – на чистом энтузиазме, на беззаветной любви к творчеству.

Николай Кошелев: *«Помню, курсанты с огромным желанием тянулись к сёстрам Сергея Есенина. С болью в сердце они вспоминали о длительном и трудном для них периоде, когда в стране несправедливо угасала память о великом русском поэте. Обустройство музея начинали буквально с нуля. Сёстры Есенина с горечью вспоминали, например, в каком запущенном состоянии находились все есенинские места, которые требовалось привести в подобающее состояние, чтобы появился музей. Например, настоящий родительский дом Есениных сгорел ещё в августе 1922 года – из-за того, что рядом с ним вспыхнул дом священника Смирнова. Сёстры поэта часто упоминали неугомонного Владимира Астахова, практически “из ничего” создавшего мемориальный Дом-музей Есенина и ставшего его первым директором. Не сходила с их уст и фамилия первого секретаря Рязанского обкома КПСС – Николая Приезжева, который, будучи поклонником Есенина, много сделал для создания его музея в Константиново, а ещё своим решением присоединил к территории музея поместье Кашиной».*

Тут, конечно, не всё могло благополучно разрешиться лишь указанием всеильного «главного коммуниста» Рязанщины. Ведь время уже безвозвратно упущено: многое, если не почти всё, в воссоздаваемом музее представляло собой лишь позднюю реконструкцию, близкую к прототипам стилизацию. Остаётся большим вопросом: что же из представленной экспозиции сам Есенин мог действительно видеть при жизни? Ответ, думаю, неутешительный. Даже природа, которая – казалось бы! – никуда уж не могла деться, и то совсем не вся ощущала взгляд великого поэта.

Елена Самоделова: *«У меня сложилось впечатление, что родственники Есенина – в частности, его племянницы – пытались рассказывать о своём дяде, стремясь к предельной объективности. Например, Наталья Наседкина рассказывала о тополе, посаженном возле дома Есенина. Все экскурсоводы до сих пор упрямо уверяют, что когда сгорел дом, то Есенин самолично посадил тополь возле усадьбы: что это дерево, мол, видело Есенина, сохранило тепло его рук, является достопримечательностью Константинова и так далее. Так вот, Наседкина рассказывала, что тополь этот никакого отношения к Есенину не имеет, а был посажен лишь спустя год после смерти поэта. Спрашивается, если мы знаем об этом из уст Натальи Васильевны, кому мы поверим: ей или экскурсоводам? Я склонна доверять Наталье Васильевне. Существует такой момент, как мемориализация любых объектов, связанных с тем или иным выдающимся человеком. Научные сотрудники могут написать, что это типологический экспонат, поскольку “серебристый тополь под окном” фигурирует в творчестве Есенина. Я помню ещё те тополя, которые описывал поэт, но которые находились в других частях Константинова. Лет десять назад они ещё существовали. Но я склонна доверять Наталье Васильевне, потому что есть такой указанный факт, а есть – всего лишь красивая легенда».*

Темы спонтанной мемориализации, а также осознанной мифологизации, будут рассмотрены в этом издании в соответствующей главе. Обещаю, что на прижизненных мифах, посмертных домыслах и современных «фейках» мы ещё подробно остановимся. Ну а пока – от естественного природного окружения – к материальным музейным артефактам.

Николай Кошелев: «Сестра Есенина, Екатерина Александровна, рассказывала мне: “Напротив нашего дома выделялась когда-то своей красотой церковь Казанской Божьей

Матери. По праздникам здесь собиралось не только всё наше село, но на звон колоколов подтягивались жители других деревень. Ещё до войны колокольню снесли, а после войны под сводами основного здания появился склад горюче-смазочных материалов”. Трудно забыть, что полуразрушенное здание церкви производило удручающее впечатление. А ещё помню, что уже после открытия самого музея Есенина безобразный вид имела и расположенная напротив огромная усадьба Кашиной: последней помещицы села Константиново. По названию есенинской поэмы именуемый селянами “дом Анны Снегиной”. А ведь на этой территории юный поэт проводил много времени! В барском доме оставались нетронутыми только стены и крыша, а всё, что находилось внутри, – комнаты и коридоры – варварски переоборудовалось под производственные площади, на которых долгое время располагался так называемый “комбинат бытового обслуживания”. Естественно, что и о какой-либо прежней мебели или деталях интерьера речь не заходила: этого просто негде было найти! Сёстры Есенина поведали мне о том, как летом 1967 года – в Москве, на проспекте Вернадского – они повстречались с Георгием Кашиным, сыном помещицы Кашиной. Долго искали его адрес, а когда нашли, то узнали, что здоровье Георгия – уже очень плохое. Но, тем не менее, он нашёл силы, чтобы помочь восстановить по памяти схему родительского дома: нарисовать образцы мебели в основных комнатах своей мамы. В дальнейшем барский дом Кашиных вошёл в общий есенинский музейный комплекс».

То, что большинство вещей в музее Есенина непосредственного отношения к нему не имеют, – не суть важно. Наверное, главное – это передать дух эпохи, показать типичный быт, в котором рос будущий поэт. Что-то, конечно, и сохранилось из того, что принято называть «аутентичным». Пусть даже родственники поэта и не спешили выставлять это «за стекло над табличкой».

Елена Самоделова: *«В музее-заповеднике Константиново Светлана Петровна Митрофанова-Есенина рассказывала о том, что у неё дома хранится сервиз, из которого ел и пил сам Есенин. Она, мол, его решила “потом как-нибудь” обязательно передать в музей. Поступил вопрос из зала: а почему уже сейчас она этого не сделала? И Светлана Петровна ответила: мол, это для вас он экспонат, что связан с великим поэтом Есениным, а для неё – это всего лишь наследственный фамильный сервиз, так же как в доме у каждого человека есть предметы, которые сохраняются от бабушек, дедушек, прабабушек и так далее. И она его рассматривала не как нечто важное для есениноведения, а как привычный предмет быта».*

... Великий поэт обессмертил родное село – потому многие захотели отметить в воссоздании мемориала. Отстроили, берегли, возглавили, направляли и обустроивали.

Елена Самоделова: *«Интересно то, что музей в Константинове создавался самими односельчанами и родственниками Есенина. Рядом с домом Есениных находится крестьянская усадьба Воробьёвых. Старшее поколение исследователей ещё помнит Елену Ивановну Воробьёву, которая хорошо знала всю жизнь семьи Есениных, была непосредственным свидетелем многих событий. У Елены Ивановны – три дочери, я с ними общалась часто, и они многое рассказали: и про фольклор села Константиново, и про самого Есенина. Меня поразило то, что одна из этих сестёр, Марья Дмитриевна, стояла у истоков есенинского музея: работала и библиотекарем, и смотрителем, и экскурсоводом».*

Впрочем, можно предположить, что односельчане великого поэта стали чувствовать себя «профессионалами», ведь это «односельчанство» давало им особый статус в глазах многочисленных приезжающих паломников. И едва ли их можно в этом упрекать: ведь быть очевидцами – статусными носителями ярких эксклюзивных свидетельств – это тоже своего рода призвание.

Елена Самоделова: *«Марья Дмитриевна всегда очень много рассказывала о Есенине, и всегда – в пафосных, в возвышенных тонах. Я помню беседу с ней о фольклоре. Правда, перед*

этим я прочитала книгу Анатолия Панфилова “Константиновский меридиан”, где представлены рассказы о Есенине его односельчан. Там приводился и рассказ Марьи Дмитриевны о Есенине. Так как я книгу эту очень люблю, то хорошо помню и тот её рассказ. Но стало обидно, что она рассказала мне эту свою “дежурную” историю дословно – точно теми же самыми словами. Создалось впечатление, что в ходе многолетних экскурсий у неё выработался определённый выверенный текст на все случаи жизни: очень литературный и грамотный. А мне ведь как молодому учёному хотелось рассказа более непосредственного! Да и лучше – чтобы он звучал на родном ей рязанском диалекте».

Ну что же – есть ведь и такое мнение: когда начинается «профессионализм», тогда заканчивается вдохновение. Хотя, может быть, дело в другом – давил груз особой ответственности от «сопричастности»? Ведь и задача поставлена соответствующая: возвещать благоговейным соотечественникам и любопытствующим зарубежным гостям о великом русском поэте!

Но ведь неслучайно село Константиново стало особым «есенинским островком», на котором можно отыскать всё, что душе угодно. Не нравится «такой» Есенин – так пожалуйте, нате вам другого!

Елена Самоделова: *«Рядом с Марией Дмитриевной жил ещё один дедушка – местный житель, Николай Иванович Ефремов. Его старший родственник фигурирует в повести Есенина “Яр” – как Ваньчок. Он рассказывал о Есенине вещи совершенно уникальные, причём на чистом рязанском диалекте. Например, о том, как его земляки подвозили Есенина к родному дому со станции. И при этом рассказчик оснащал речь разными фольклорными оборотами – так что мне было гораздо интереснее, как исследователю, слушать именно его речь. Думаю, объективность повествования сильно зависит от личности рассказывающего: иногда не родственники, а соседи или даже сторонние любители творчества с придыханием говорят о Есенине. А другие люди – неважно, родственники, земляки или исследователи – могут быть более объективны и обращать внимание на какие-то факты, которые кажутся мелкими, но они добавляют новые, неожиданные порой штрихи в наше общее знание о Есенине».*

Конечно же, основным, самым авторитетным источником рассказов о Есенине традиционно считались рассказы его родных сестёр.

Светлана Шетракова: *«Сёстры Есенина говорили о нём взахлёб. Катя говорила очень много, очень слаженно, многое знала. Александра очень хорошо пела, мы вместе пели песни на стихи Есенина. Сёстры друг к другу немного ревновали, но со мной каждая ладила. У них у обеих – жёсткий характер; мне кажется, это в мать Есенина. Помню, что мы вместе с ними проводили во дворе есенинской крестьянской усадьбы по целых семь дней конференции, Есенину посвящённой. Много читали – и все жадно вслушивались в проникновенные поэтические строки».*

Соседи, товарищи по детским играм, односельчане – это всё же уже опосредованная информация. Ведь когда они могли часто видеть Есенина – в его детстве и ранней юности – тот ещё никаким известным поэтом не был. Не думаю, что кто-то мог предугадать его стремительный поэтический взлёт. А когда односельчанин «Серёга-монах» стал знаменит – он уже родное Константиново не особенно-то и жаловал.

Александр Руднев: *«По отзывам родных сестёр – которые я слышал лично – Есенин не любил ездить в Константиново. Матери он гораздо чаще присылал деньги, чем появлялся лично. Приезжал он туда только по настойчивым требованиям матери. А односельчане его просто-напросто раздражали, так что, думаю, расхожий образ “деревенского паренька” несколько преувеличен».*

Или ещё важное уточнение, от **Елены Самоделовой:** *«Подсчитывали: а сколько вообще Есенин жил в родном селе Константиново? Оказалось, что не так уж и долго. До 1909 года, в детстве и ранней юности. А потом – лишь “наезжал” в село, время от времени: изредка*

навещал сестёр, родителей. При этом задерживался в родном доме максимум на несколько недель. А так – постоянно жил в Москве или Петербурге».

Впрочем, друзей и коллег Есенина по писательскому цеху – тех, что обитали в обеих столицах, – разметало, кого куда. Непростая эпоха кого-то выжала за рубеж, кого-то отправила на эшафот. А из тех, кто остался, многие были (в той или иной степени) людьми «заинтересованными». Ну, как минимум, – относительно собственной творческой значимости. Кто стремился выпячивать свою роль «в становлении... чего бы то ни было», кто рубил сплеча, объявляя Есенина чуть ли не своим учеником. (Тема творческой ревности безгранична и насыщена. До неё обязательно дойдём, но в соответствующем разделе). И нужно сказать, что всё «по-настоящему есенинское» – что питерско-московские снобы, современники поэта, могли воспринимать лишь криваясь и через «фи» – жители села Константиново считали родным, исконным, изначально присущим благодатной рязанской земле.

Земля та – действительно особая, поэтически-одухотворённая. Во всяком случае, так говорят многие, кто там побывал. Приведу несколько созвучных сюжетов из разных интервью о поэте.

Валентин Сорокин: *«Однажды я приехал в Южный Вьетнам. Хороший переводчик со мной, вышел я прогуляться, дошёл до берега местной реки. И такой вид открывается красивый – и что-то напоминает мне есенинский край. Я спрашиваю: “Назовите мне имя вашего известного поэта, который здесь, в этом самом месте, родился?” Он мне говорит: “А откуда Вы знаете?” И называет имя. Так всё похоже, понимаете?»*

Светлана Шетракова: *«Как приезжали посетители в Константиново, все говорят: “Ой, какая красота! Как тут не писать стихи!” Мол, такая благодатная земля – она буквально вынудит писать прекрасные стихи. Ну так пишете – но не пишете же!»*

Геннадий Норд: *«Я несколько раз бывал на родине поэта в Константинове. Помню свои ощущения, когда я первый раз вышел на берег Оки. Я буквально обалдел от красоты, которая меня ослепила. И понял я тогда, что человек, который вырос в этой красоте, просто обречён стать Великим поэтом!»*

Есениновед **Елена Самоделова** объясняет эти столь схожие впечатления с научной точки зрения: *«Рассказов о благодатной Малой родине, которая создала великого поэта, – огромное количество. И про тех же друзей-соратников Есенина есть такие же точно рассказы: мол, изгиб реки Волги взрастил такого же народного вдохновенного поэта – Александра Ширяевца, как и живописный изгиб Оки и обрыв в Константиново – Сергея Есенина. Это так называемая теория “Гения места”. С одной стороны, место определяет человека, а с другой стороны, писатель притягивает славу к этому месту! И что тут первично, а что вторично – вопрос открытый».*

Тут, правда, возникает ряд вопросов... Трудно представить, чтобы у кого-то из кавказских поэтов не имелось обширного свода стихов о родных горах. Думаю, таких не сыскать. Во всяком случае – мне так никто и не назвал ни одной фамилии. Но трудно здесь не привести отрывок из интервью земляка Есенина, **Владимира Силкина:** *«Странно, но у Есенина стихотворений о родной реке, на берегах которой он родился и вырос, – никаких нет. Хотя места те – действительно очень красивые, вдохновенные. Почему так? Ну, жаль, что никто не спросил у него при жизни... Возможно, не “зажгли” его почему-то родные речные просторы!»*

...Тема «рассказов очевидцев» – особенная. Ведь одно дело – когда «где-то что-то читал». В таких случаях неясно до конца – где редактор постарался, где цензура, а где ничтоже сумняшеся «прогнали телегу» для достижения требуемого объёма. А здесь – человек сам видел, общался, проникся духом!

Хотя, конечно, правдивость и адекватность воспоминаний всегда под вопросом. Как правило, после ухода знаменитостей из жизни откуда ни возьмись, «вырисовываются» вдруг суетливые толпы их разного рода «друзей и приятелей» и даже... «помощников» в достигнутом триумфе. Иногда можно заподозрить и прямой корыстный интерес (как тут не вспомнить «Детей лейтенанта Шмидта»!) Среди побудительных мотивов часто можно отметить чувство собственной значимости. Думаю – ой, как нелегко «фильтровать» свидетельские высказывания, когда уже нет в живых того, кто бы их мог в случае чего опровергнуть. Хотя в большинстве своём и обычная восторженность, и безмерно разливающаяся любовь также могут сделать своё дело. Ведь к объекту своих страстных воздыханий едва ли можно относиться объективно и беспристрастно!

Елена Самоделова: *«Критерий объективности отзывов о Есенине – это повторяемость. Если мы выстраиваем научную биографию, когда нас интересует каждый прожитый день Есенина, то воспоминания современников, касающиеся одного и того же события, – они сверяются и сопоставляются. Один автор показывает определённый эмоциональный фон события, а другой – чуть ли не прямо противоположный. Но это же касается эмоций, и мне кажется, что такие “разночтения” – это хорошо. Зачем нам безликая фигура для исследований, которая что-то там делала, совершала формальные поступки, если они не рассматриваются как повлиявшие на жизнь других людей. Представляются разные точки зрения, и если между ними возникают некие неувязки, несходства, если они вступают в противоречия, то всё это проверяется – по документам, например, чтобы избежать фактологических ошибок».*

Может, одно из главных назначений Мемориального комплекса в Константиново, наряду с местом паломничества для восторженных поклонников, – это создание «контрольного пункта общего сбора» носителей воспоминаний о Есенине, своеобразной «резервации памяти», внутри и вокруг которой будут долго и настойчиво клубиться все те, кому посчастливилось пообщаться с поэтом при жизни. (Или, как минимум, – пообщаться с теми, кому довелось общаться с теми, «кому посчастливилось»).

Елена Самоделова: *«Весь круг лиц, так или иначе причастных к жизни Есенина, тщательно изучается исследователями. Если взять наш Институт мировой литературы, то мне повезло работать с такими корифеями, которые с нуля восстанавливали биографию писателя, создавали огромное количество собраний сочинений Есенина – вплоть до академического Полного собрания сочинений, созданием которого руководил Юрий Львович Прокушев. Он был близко знаком и с матерью Есенина, с его сёстрами и жёнами. Все эти люди, когда сообщали свою точку зрения о каких-то событиях в жизни Есенина, приносили документы, которые до этого не публиковались, и тогда уже группа учёных готовила полученную информацию для широкой публикации».*

Ну а в результате: посредством изучения официальной биографии, а также всяких сопутствующих «апокрифов» (воспоминаний, сплетен и прочих) – возможно, получим цельную картину жизни/творчества поэта. Именно так, несlesslyно, – творчества, органично спаянного с собственным бытием, неотделимого от жизни. **Сергей Казначеев:** *«Личность Сергея Есенина практически невозможно отделить от его творчества. Он – образец “поэтического” поведения, как бы воплощающий завет Батюшкова: “Живи как пишешь и пиши как живёшь”. Лирический герой Есенина фактически совпадает с ним самим, с реальным, хотя дотошные литературоведы могут и отыскать при большом желании некоторые расхождения. Для меня образ жизни поэта вырисовывается из его сочинений не менее выпукло, нежели из воспоминаний современников. В этом смысле Есенин удивительно органичен и верен себе. Философ Фихте утверждал, что человек никогда не должен самому себе противоречить. Судьба Есенина поразительно соответствует этой максиме».*

Глава III. Детство, юношество... Константиново..., Спас-Клепики... А был ли крестьянский мальчик?

Когда читаешь биографические повествования – как правило, везде отправной точкой становится детство знаменитого имярека. Мол, именно там и заложено то искомое, что потом вылилось... дальше вставьте по вкусу что-нибудь из признанных заслуг. Есенин – не исключение, а скорее классический пример: как же обойти вниманием кудрявого деревенского паренька с пронзительным взглядом! Мне даже встретился материал, где весь жизненный путь поэта Есенина как бы исчерпывался его «сельским отрочеством»: мол, всё самое проникновенное и ценное в творческом плане Серёжа стяжал в босоногом детстве – потом лишь немного словесно обстругал да оформил печатно. Но как изначально представлял из себя сельского мечтательного паренька – так им до конца своей недолгой жизни и оставался, а всё остальное – внешнее, наносное...

Такой смелый подход заслуживает особой похвалы... но только вот следует разобраться с изначальными условиями. Так всё же был ли признанный певец крестьянской Руси Сергей Александрович Есенин крестьянином? Слушаем **Владимира Брюханова**, литературоведа из Германии: *«К Есенину в очень малой степени относится слово “крестьянин”, если исходить из его личных данных. Дело даже не в том, что он никогда в жизни не занимался крестьянским трудом. Важнее, что ещё до начала литературной карьеры он с отличием закончил сельскую школу, а затем и уездную учительскую семинарию – и выбился, таким образом, в совершенно иную сословную группу. Его по праву следует считать сельским интеллигентом или хотя бы – “полунинтеллигентом”, используя вполне обиходный и вовсе не издевательский термин тех времён. Он – типичный представитель среды относительно немногочисленной, по сравнению с колоссальной массой крестьян, и рассеянной отдельными группами по деревенским просторам: священнослужители, учителя, сельские врачи и фельдшеры, местные администраторы и служащие на почте, телеграфе, транспорте и так далее. Дореволюционный общественный статус таких людей заметно возвышал их не только над общим крестьянским уровнем, но даже над мельниками, лавочниками и прочими сельскими богатеями. Таковым могло получиться и будущее Сергея Есенина, если бы не его индивидуальные сверхпритязания, проявившиеся с детства и закрепившиеся на всю дальнейшую жизнь. А затем ещё и всеобщие пертурбации, вызванные революцией».*

А вдогонку, другими словами, но в целом похожие выводы, от **Максима Скороходова**: *«Стоит отметить, что и Есенин, и его семья не особенно связаны с крестьянским трудом. Отец его с молодости почти всю жизнь провёл в Москве, работая в лавке мясника. А заработки семьи в основном были связаны с работой отца. Впрочем, это было в целом характерным для жителей села Константиново. У деда Есенина, к примеру, имелись в собственности баржи, которые он водил всё лето, то есть по полгода проводил вне дома. По социальному статусу, по своему сословию, многие жители Константиново формально относились к крестьянам, но по роду деятельности – занимались не земледелием, а отхожими промыслами. В своих воспоминаниях Есенин рассказывает, что он и лошадей пас, и на рыбалку ходил. Но приусадебный сад ему дороже, чем пашня, чем земля, потому что он – красивее. Да и тематика стихотворений Есенина связана определённо не с крестьянским трудом».*

В продолжение – созвучное мнение, более обстоятельно раскрывающее тему «явно некрестьянского» образования Сергея Есенина.

Елена Самоделова: *«Интересно рассмотреть аргументы тех, кто не считал Есенина “выходцем из крестьян”. Во-первых, Есенин окончил целый ряд учебных заведений. При том, что типичный крестьянин того времени – неграмотный: обычно или не имел никакого*

образования, или имел образование в два-три класса церковно-приходской школы. К примеру, учиться в четырёхклассное земское училище в селе Константиново приходило огромное количество крестьянских детей. И какая-то их небольшая часть (обычно – только мальчики) даже заканчивали эти четыре класса. Девочки, как правило, учились максимум год-полтора. При этом никаких документов об окончании обычно и не требовалось: считалось достаточным, что крестьянских детей научили считать-писать... Так вот, Есенин не только полностью закончил эту земскую школу в Константинове, так потом ещё и окончил второклассную учительскую школу в селе Спас-Клепики. При этом грамотность вовсе не считалась обязательным атрибутом в крестьянской среде: к ней относились весьма прохладно. А тут – ситуация обратная. Ведь, по задумке своих родителей, Есенину надлежало потом поступить и в Московский учительский институт. Правда, впоследствии Есенин не захотел идти учиться именно туда, а поступил в Московский городской университет имени Шанявского, где полтора года учился за свой счёт. Правда, не закончил данное учебное заведение, но всё равно – у него формально считалось, как сейчас говорят, “незаконченное высшее”. При этом он не доучился до конца только из-за финансовых трудностей, так как не мог уже оплачивать своё обучение».

И тут дело не в образовании или отсутствии такового, сколько в направленности обучения. Ведь не на агронома же учился юный Серёжа Есенин. «Работа на земле» его вообще как-то не привлекала: думаю, что можно с полным на то основанием утверждать, что он изначально «рвался в гуманитарии». А крестьянство? Ну да – куда без него? Вполне возможно, что он отчасти знакомился с отдельными элементами, атрибутами крестьянства. Во всяком случае, по утверждению **Елены Самоделовой**, «многие факты традиционно приводились и при жизни Есенина, и после его смерти – в попытке доказать утверждение, что “Есенин – не крестьянин”. Аргументировалось это ещё и тем, что он никогда не работал по-крестьянски. Но в есенинской автобиографии говорится, что он участвовал в ночном дежурстве лошадей – “караулил”, в охоте – “в качестве водоплавающей собаки”. Он ловил раков, утят, доставал яйца грачей. Во многих стихотворениях 1920-х гг. Есенин пишет, как его лирический герой возвращается на Родину и участвует в покосе с косарями на равных. В “Яре” он тоже описывает это: две недели безвыездного сенокоса, где крестьяне ночевали и косили за рекой». Насчёт последнего – хочется уточнить: нигде не указывается, что однозначно «сам, мол, косил», но, судя по всему, – несомненно наблюдал, и не раз! И даже пробовал участвовать по мере сил. Во всяком случае, есенинский лирический герой точно пытался!

Сергей Соколкин: «Есенин, конечно же, никакой не крестьянин. Ведь таковым можно назвать лишь человека, который постоянно работает “на земле”. Того, который встаёт в четыре часа утра и идёт доить корову, косить траву или пахать землю. Есенин, если даже и сделал как-нибудь в жизни что-то подобное, то исключительно для своего удовольствия. Возможно, несколько раз покосил траву, чем потом очень гордился, даже воспев сам процесс покоса в очень характерных строчках: “К чёрту я снимаю свой костюм английский... / Хорошо косою в утренний туман / Выводить по долам травяные строчки”. Думаю, что ни один настоящий крестьянин свою повседневную работу в стихах не описывал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.